

Тучинкина Анна 3047
Варшавская, Москва, 10 кл. Ак

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ школы _____

51727

(62)

Анализ рассказа Владимира Кабокова "Талантливый"

Рассказ о сюжетах литературы и сюжетах жизни, оформленный в виде диалога между писателем и критиком, чудовищно виден у Кабокова - писателя, литературоведа, автора сборников лекций по русской и зарубежной литературе и некальких эссе о ней же. Интересно отметить, что диалог между писателем и автором - человеком, воспринимавшим его творчество, пошел не в приветствии для русской литературы вид спора ("Писатель, критик и журналист" М. В. Крикотова, "Разговор книгопродавца с поэтом"), в котором каждый отстаивает свою позицию, а в форме дружеской беседы.

51727

Как известно, в литературе Кабоков открыл такую идеальную чертованность, морализаторство, отсылки к социальным, политическим и историческим событиям, ситуациям, оспаривая, что, выражаясь словами Джона Уайлда, "нет книг нравственных и

безразличных, есть книги хорошо и по
напитанные". В послесловии К. Ламте
~~пишет~~ говорит, что (точный перевод из
искусство - это возможность сопереживать
с другим миром, для которого всё то, что
для него, искусство, характерно - сильны
чувства, излучает светом красота -
объективно и естественно. ^{и только она} в романе
"Паломник" на примере страдания
мужа (возможно, даже реального)
показывает, что и искусство - лишь
+ | легкое подражание жизни, красота,
сюжетный замысел и интрига,
которой люди зачастую не способны
замечать и понять.

В каких выражениях говорится про
"Все права закреплены за автором", "Её
произведения непревзойденны, непревзойденны"
+ | Жизнь выступает в образе талантливой
писательницы, чьи воле подчинены все
люди - её персонажи. В этом, кстати,
проявляется характерной для многих
набоковских произведений мотив судьбы

добавить тему?

добверцей над человеком, этого рока,
~~которому~~ зло или не очень рока,
чьей воле невозможно противостоять
— ~~защит~~ срав он это так же и в „Защите
Литкина“, „Трамшашени на казни“, некто-
рых ролях „сиринского“ удьма, возможны
в „Литке“.

2

Композиция рассказа построена таким
образом, что в центре — некая жесткая
детективная история, произшедшая с
перем в поезд, а бедды критика и
мшателя обрамляют её, как предисловие
и послесловие. Мшатель, кратик ~~и даже~~
~~сама жизнь~~ выступают здесь не как
литературные персонажи, а как два критиче-
ских интерпретатора, в предисловии и
послесловии комментирующие
произведение жизни. Даже само название
рассказа — „Талсамир“ ничего не говорит
о мшателе и кратике, ставя в центр
повествования события в поезде.

Что же до сюжета основной части
рассказа, до событий в поезде? В ней

Есть разоборочный чинь, почитываю, и...
Так, разоборочный ведет дружескую беседу.
Можно было бы найти литературные
аналоги, но не стоит, потому что автор
рассказа в рассказе "Жизнь, а жизнь
не жает аналогий. Во что же в нем есть
параллели? Есть прейм, бреду ночи я
внезапно прощусь, как справедливо замети
милителю, весна 'оанальном, Есть анекдох
ном. Есть классическая иррациональная схема
"завязка сюжета - развитие действия -
"Окульминация - развитие действия -
развязка сюжета". Впрочем в одном
месте, впрочем, карусельная - завязка
сюжета не оправдывает ожидания читате
лущица остаётся курьезным, что делает
рассказ неубедительным. ~~И~~ превраща
готовую сюжетную схему во вечно живую
завязку нового сюжета. Из неё, этой
завязки, может появиться научиться
всё, что угодно - детективный роман,
романтическая повесть, приключение с
элементами мистики. И разоборочный там, чем
могла бы быть эта история, постепенно,
вопреки сказанному в начале, уводит

беседу писателя и критика в спор. Правда
че спор о роли литературы в жизни, а спор
о том, чье же писательское мастерство
свершительнее - литературное или жизни.
„Дам комете, что жизнь творит слишком
разношито и неровно, что её линии
слишком неряшливы“ - говорит писатель
в начале рассказа, и критик с ними
наконец согласен. Да, стиль жизни очень
неряшливый, да, она оставляет слишком
много открытых финалов и незавершен-
ных историй, да, она не умеет
„создавать яркое разделение“ и
„заставлять сюжет вылидуть ложкой,
и именно поэтому он, критик, заступается
за слово“. И разве вы говорите, „мы в угоду
нашим читателям выкраиваем из её
свободных рамок наши аккуратные
рассказеки“? Но разве ~~не~~ писательская
работа - не придание ложности и завершен-
ности рамкам жизни, не исправление её
ошибок? То же и критик, писатель-
редактор и корректор жизни, пусть же

он приводит пример того, как писатель может
использовать её творение: Ваш герой, чем
статься, так как потому, что потеря будет
на века. У меня бы знакомый, -
вроде бы шутка вероятно всматрива-
ной карикатурности, - который плакал в час
когда у него болели зубы." Музы, продумав
человека, который плачет по аффективным
причинам, что контрастирует с его внешней
+ писатель может использовать эту особен-
ность, введя её в свой роман.

Сам же писатель придерживается
противоположной точки зрения. Да, его
романы, несомненно, хороши, изобилуют
оригинальными сюжетными ходами и
определённо не могут "похвастаться"
недогитностью сюжета, незавершённостью
и про обрыванностью сюжетных линий и про
ошибками. Но не являются ли ошибки "музы"
которые литераторы, по наивности своей,
пытаются исправить, важной частью более
шумных, даже значительных, более
+ оригинальных сюжетов. Возможно, да -

приходит к выводу писатель — но даже
если и так, то людям не дано разгадать
эти сюжеты, они могут видеть лишь часть
событий, знать лишь часть информации,
не видя общую картину. И потому естествен-
но, что литератора способно ^{подорвать}
имитировать сюжеты жизни с разной ^{детские, мифы,}
степенью достоверности; например, вместо
типичного Пушкинского штампа —
неотмеченной, но всё разрешающей
"развязки" — использовать полную его
противоположность, давать впечатление
неотмеченности путей самой
естественной развязки. Кстати, этот прием
характерен и для некоторых (не всех) романов
самого Рабкова: например, в "Триглашишки
на казнь" Финцикмата и в финале
романа Утеварт, что было очевидно с
самого его начала. Критик же, напротив,
считает это недостатком писателя,
утверждая, что талант его — не в том, чтобы
определять жизнь, что можно, т.к. оба
соседа сходятся во том, что в какой

мере замысли ~~сметы~~ жизни никакому из людей
увидеть не удастся, а в том, чтобы из
самостоятельности создавать что-то новое,
необычайное делать не сверхъестественно,
т.е., приукрашивать ~~сметы~~ жизни,
т.е. часть сметы жизни, которая ему
известна. Да, мы не можем полностью
увидеть её замысел, но разве от редактора
писателя сметы проигрывают: "Вопрос
нет-и его финальное, я заступаясь за
слово" завершает послесловие, вынося
вердикт. Да после трёх последних
предложений, нет-нет, спасибо. Больше
уже не напишут. Достаточно, вполне
достаточно) окончательно завершают
дискуссию: ~~то-то~~ во-первых, они меняют
тему разговора на быденно-бытовую, во-вторых,
"Достаточно, вполне достаточно" может
относиться как к слову, так и к разговору.
Тогда лишь об искусстве, высказавшаяся
Кабанова в предисловии + послесловии
к "Ламит", получает продолжение: жизни
и есть тот самый мир, где всё, характер

из искусства, объективно и естественно
люди не замечают красоты ее свойств,
единственные, кто могут хотя бы
много приблизиться к ней - писатели,
поэты, балующиеся по пустякам?

28

~~73~~ 10

10

10

4

~~65~~ 62

Инструментальный расклад, сдержанность, в ней есть множество
точное ощущение, верно уловлено "колебание" авторской
позиции между показателем, представляемым критиком
и писателем. Заметен уезд романского колорита - "Принадлежит
ке арии", "полит" и пр. при оживлении эстет. Возвращение автора.
Автор верно судит о готической проблеме -
каждый из нас Натанов, о его отноше-
нии к проблеме взаимоотношений
литературы и музыки.

Кур